

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ТАЙМ»

Вопрос. Как бы Вы охарактеризовали нынешнее состояние советско-американских отношений, и какие главные события сейчас определяют эти отношения?

Ответ. Если бы вы задали мне этот вопрос месяца два назад, я сказал бы, что ситуация в наших отношениях становится несколько лучше, что появляются какие-то надежды на позитивные сдвиги.

Сегодня, к глубокому сожалению, так сказать уже не могу.

Правде надо смотреть в глаза. Несмотря на начавшиеся переговоры в Женеве и договоренность о встрече в верхах, отношения между нашими странами продолжают ухудшаться, гонка вооружений усиливается, военная угроза не спадает. В чем же дело, почему это происходит? Я и мои коллеги достаточно требовательно и самокритично относимся к собственной деятельности – не только внутри страны, но и вовне. И мы снова и снова задаем себе вопрос: может быть, это связано как-то с нашими действиями?

Но в чем нам в данном случае можно себя упрекнуть? Ведь в нынешней ответственной обстановке Москва старается соблюдать сдержанность в высказываниях в отношении США, не прибегает к антиамериканским кампаниям, тем более не разжигает ненависти в отношении вашей страны. Мы считаем очень важным, чтобы даже в моменты политических обострений не было подорвано чувство традиционного уважения советских людей к американскому народу, чувство, насколько я могу судить, во многом взаимное.

А разве плохо, что в условиях, когда возобновились переговоры о разоружении и идет подготовка первой после шестилетнего перерыва встречи в верхах, мы настойчиво ищем способы разорвать порочный круг и вывести из тупика процесс ограничения вооружений? Именно такую цель преследуют, в частности, наш мораторий на ядерные взрывы, обращение к США с предложением присоединиться к нему и возобновить переговоры о полном запрете ядерных испытаний, так же, как и предложения о мирном

сотрудничестве и предотвращении гонки вооружений в космосе. Мы убеждены: надо вместе искать выход из нынешнего сложного положения.

И непонятно, почему у ответственных деятелей США наши предложения вызвали столь откровенное недовольство. Известно, что их попытались изобразить как чистую пропаганду – не более того.

Любой мало-мальски знакомый с сутью вопросов человек без труда увидит, что за нашими предложениями стоят самые серьезные намерения, а не какая-то попытка повлиять на общественное мнение. Все реальные усилия по ограничению ядерных вооружений начинались с запрета испытаний – вспомните договор 1963 года, ставший первым большим шагом на этом пути. Полное прекращение ядерных испытаний остановило бы гонку ядерных вооружений на самом опасном – качественном направлении. Кроме того, оно послужило бы серьезным вкладом в сохранение и укрепление режима нераспространения ядерного оружия.

Если уже во всем, что мы делаем, и впрямь видят одну пропаганду, почему бы не ответить на нее по принципу: «око за око, зуб за зуб»? Мы прекратили ядерные взрывы. И вы, американцы, в отместку взяли и сделали бы то же самое. А вдобавок нанесли бы нам еще один пропагандистский удар – приостановили бы, скажем, разработку одной из новых стратегических ракет. А мы ответили бы такой же «пропагандой». И так далее и тому подобное. Кому, спрашивается, повредило бы соревнование в такой «пропаганде»? Конечно, оно не смогло бы заменить всеобъемлющего соглашения об ограничении вооружений, но, несомненно, явилось бы важным шагом к такому соглашению.

Администрация США пошла, увы, по другому пути. Отвечая на наш мораторий, она демонстративно, как бы назло всем и вся, поспешила произвести очередной ядерный взрыв. А на наши предложения о мирном космосе ответила решением провести первое боевое испытание противоспутникового оружия. И развернула в придачу очередную «кампанию ненависти» против СССР.

Какое впечатление все это производит? С одной стороны, какого-то замешательства и неуверенности в Вашингтоне. Объяснить это могу лишь одним – беспокойством, как бы наши инициативы не подорвали версию о Советском Союзе как «средоточии зла» и источнике всеобщей опасности, на которой, собственно, и строится вся политика гонки вооружений. С другой – впечатление нехватки чувства ответственности за судьбы мира. А это, честно говоря, снова и снова ставит перед нами вопрос: можно ли вообще в такой атмосфере нормально вести дела и строить рациональные отношения между странами?

Вы спросили, что является главным, определяющим в советско-американских отношениях. Я думаю – тот непреложный факт, что нравимся мы друг другу или нет, но выжить или погибнуть мы можем только вместе. **Главный вопрос, на который мы должны себе ответить, – готовы ли мы, наконец, признать, что нет иного пути, как жить друг с другом в мире, готовы ли мы перестроить свой образ мыслей и действий с военного на мирный лад? Как говорят у вас – жить и давать жить другим. Мы называем это мирным сосуществованием.** Что касается Советского Союза, то на этот вопрос мы отвечаем утвердительно.

Вопрос. Каковы, как Вы считаете, будут результаты Вашей встречи в Женеве с Президентом Р. Рейганом в ноябре? Какие конкретные действия следует предпринять США и Советскому Союзу для улучшения их двусторонних отношений?

Ответ. По существу, я уже изложил причины, по которым сегодня смотрю на перспективы женевской встречи более осторожно, чем тогда, когда мы на эту встречу давали согласие. Ведь ее итоги будут во многом зависеть от того, что происходит уже сейчас.

Пожалуй, каждый согласится, что политическая атмосфера переговоров формируется загодя. Ни Президент, ни я не сможем игнорировать настроения внутри своих стран, а также настроения союзников. Иными словами, действия

сегодня в значительной мере определяют и «сценарии» для ноябрьского разговора.

Не буду скрывать, я разочарован и обеспокоен происходящим. У нас не может не вызывать озабоченности тот подход, который, как мне кажется, начинает складываться в Вашингтоне – и из его практической политики, да и из высказываний ответственных сотрудников Белого дома. Это сценарий натиска, попыток зажать нас в угол, приписать нам, как это не раз уже бывало, все смертные грехи от развязывания гонки вооружений и до «агрессии» на Ближнем Востоке, от нарушений прав человека и до каких-то козней даже в ЮАР. Не государственная политика, а какие-то лихорадочные поиски «нечистой силы».

Мы готовы к предметному и деловому разговору – можем предъявить и свой счет. Хочу заверить читателей журнала, что у нас есть что сказать и насчет ответственности США за гонку ядерных вооружений, и их поведения в разных регионах мира, и поддержки тех, кто, по сути дела, занимается терроризмом, и нарушений прав человека в самой Америке, а также во многих близких ей странах. Но я думаю вот о чем: стоило ли ради этого затевать встречу в верхах, с которой и наши народы и люди на всех континентах связывают надежды на мир, безопасную и спокойную жизнь. Брань хорошему делу не помощник.

Концепция столь важной встречи мне представляется иной. Мы, в Москве, разумеется, полностью отдаем отчет в глубине того, что нас разделяет. Знакомясь с тем, что сказано политическими лидерами США за последние годы, мы не могли оставлять без внимания высказывания, которые вызывают у нас несогласие, а часто, прямо говоря, и возмущение, но вместе с тем не теряли надежды, что все же можно найти точки соприкосновения, зоны общих или параллельных интересов. Основания для этого есть. Взять, например, высказывания о том, что нельзя вести ядерную войну и нельзя в ней победить, или о том, что США не стремятся к военному превосходству. Словом, я рассчитывал на честный, непредвзятый разговор, проникнутый

стремлением найти путь назад от края ядерной пропасти. Обсуждать не мифы и стереотипы, уже порядком надоевшие, а реальные проблемы, реальные интересы наших стран, наше будущее, будущее всего мирового сообщества.

Но, судя по всему, другая сторона готовится сейчас совсем не к этому. Дело, похоже, ведут к схватке своего рода политических «сверхгладиаторов», думая лишь о том, как полнее уязвить партнера, как набрать в этой «схватке» лишнее очко. Поражает при этом как форма, так и содержание некоторых выступлений. Тому пример – недавняя «лекция» господина Макфарлейна. В ней в полном виде содержится не только тот «набор обвинений», который нам собираются предъявить в Женеве, но и очень своеобразная, я бы сказал, трактовка предстоящих переговоров. Оказывается, даже малейшее продвижение вперед зависит лишь от уступок Советского Союза. Уступок по всем вопросам – вооружениям, региональным проблемам, даже по нашим внутренним делам.

Если все это говорят всерьез, то в Вашингтоне готовятся явно не к тому событию, о котором мы договаривались. Встреча на высшем уровне предназначается для переговоров, причем переговоров на основе равенства, а не для подписания акта о чьей-то капитуляции. Тем более что мы Америке не проигрывали ни войны, ни даже сражения и ровным счетом ничего ей не должны. Так же, впрочем, как и США нам.

Если же все это не всерьез, то воинственные всплески тем более неуместны. Зачем играть, без нужды, мускулами, разыгрывать шумные спектакли, переносить приемы внутренней политической борьбы на отношения двух ядерных держав? В них язык силы бесполезен и опасен. Но до встречи на высшем уровне есть еще время, и можно сделать немало для того, чтобы она была конструктивной и полезной, а это, как вы понимаете, зависит от обеих сторон.

Вопрос. *Каково Ваше мнение об исследовательской программе стратегической оборонной инициативы в контексте отношений между СССР и США? Видите ли Вы возможность взаимного соглашения,*

запрещающего разработку таких систем, и на какого рода проверку Советский Союз согласится в таком случае? Какое развитие событий Вы предвидите по другим аспектам контроля над вооружениями, если такого соглашения не удастся достичь?

Ответ. Официальный Вашингтон, отвечая критикам так называемой стратегической оборонной инициативы, любит приводить аргумент, который, возможно, кажется ему убийственным – ведь против «звездных войн» выступают русские. А раз так, то это хорошая и правильная программа. Но если в ядерную эпоху исходить из подобной логики, то нас ожидает весьма мрачное будущее.

Мы, как, надеюсь, и многие американцы, подходим к вопросу иначе. Считаем, что есть ситуации, в которых проигрывают обе стороны. Это ядерная война, гонка вооружений, международная напряженность. И есть, соответственно, ситуации, в которых обе они выигрывают. Это мир и сотрудничество, равная безопасность, ликвидация страха перед ядерной катастрофой.

Что до оценки программы «звездных войн», то мы не можем всерьез принять утверждения, будто СОИ обеспечит неуязвимость от средств ядерного нападения и тем самым приведет к ликвидации ядерного оружия. Это, по мнению наших и, как я знаю, многих ваших специалистов, несбыточная фантазия, пустая мечта. Но даже в тех, намного более скромных, масштабах, в которых СОИ, по оценке специалистов, осуществима как ограниченная по своим возможностям система противоракетной обороны, она очень опасна. Этот проект, несомненно, подстегнет гонку вооружений на всех направлениях, а это значит, угроза войны возрастет. Проект поэтому плох и для нас, и для вас, для всех вообще.

Под этим же углом зрения мы рассматриваем и то, что называют исследовательской программой СОИ. Прежде всего, мы не считаем ее исследовательской. По нашему мнению, это первая очередь проекта создания новой системы ПРО, запрещенной соответствующим договором 1972 года.

Подумайте об одних только масштабах – на ближайшие годы хотят выделить 70 миллиардов долларов. На чистые исследования – это немыслимая сумма, на это указывают и американские ученые. Ведь речь идет об ассигнованиях, превышающих в сегодняшних ценах в четыре с лишним раза стоимость «Манхэттенского проекта» – программы создания ядерного оружия – и в два с лишним раза стоимость программы «Аполлон», предусматривавшей развитие космонавтики на целое десятилетие – вплоть до высадки человека на Луну. О том, что это отнюдь не чисто исследовательская программа, говорят и другие факты, в том числе намеченные испытания систем ударного космического оружия.

Вот почему и вся программа СОИ и ее так называемая исследовательская часть – это новый, еще более опасный раунд гонки вооружений, который неизбежно приведет к новому обострению советско-американских отношений. Чтобы этого не произошло, надо, как договорились в январе министр иностранных дел СССР и государственный секретарь США, предотвратить гонку вооружений в космосе. Мы уверены: соглашение на этот счет возможно, и оно поддается проверке. Должен заметить, что мы верим американцам не больше, чем они нам, и потому так же, как они, заинтересованы, чтобы каждое соглашение поддавалось надежной проверке.

Если такого соглашения не будет, не удастся достичь и соглашения по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Зависимость между оборонительными и наступательными вооружениями настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах. Таким образом, если нынешняя позиция США по космическому оружию – это их последнее слово, то переговоры в Женеве, об этом надо прямо сказать, потеряют всякий смысл.

Вопрос. *С того времени, как Вы стали Генеральным секретарем, Вы предприняли несколько шагов для улучшения состояния советской экономики. Не могли бы Вы сообщить нам о дальнейших шагах, которые Вы надеетесь предпринять? Каковы, по Вашему мнению, главные проблемы советской*

экономики? Какие изменения в мировой экономике могли бы принести пользу Советскому Союзу?

Ответ. Начну с истории. Есть проблемы, возникновение которых от нас никак не зависело. Советской власти досталось тяжелое наследие от прошлого режима: отсталая экономика, сильные пережитки феодализма, безграмотность миллионов.

Добавьте к этому две опустошительные войны, которые прокатились по значительной части страны, испепелив и разрушив многое из того, что было создано трудом народа. Были жертвы невосполнимые: более 20 миллионов погибших в годы Отечественной войны, миллионы раненых, искалеченных. С тех пор минуло 40 лет, но память нашего народа хранит горькие страницы пережитого, тяжесть понесенных утрат. Чтобы залечить раны в сердцах людей и на теле земли, советскому народу нужен был мир, и только мир.

На Западе не раз писали: чтобы восстановить разрушенное нашествием фашизма, СССР потребуется 50-100 лет. Советские люди сделали, казалось бы, невозможное, в самые кратчайшие сроки восстановив народное хозяйство. Но факт остается фактом – войны и периоды восстановления отняли у нас из послереволюционного времени почти два десятилетия, если не больше.

В сложных условиях, используя потенциал нашей системы, мы смогли превратить Советский Союз в крупнейшую экономическую державу мира. В этом проявились сила и огромные возможности социализма.

Вместе с тем есть трудности и другого порядка, связанные с нашими недостатками и упущениями. Об этом мы говорим открыто. Не всегда хорошо работаем, не научились еще хозяйствовать, как того требует современная экономика и позволяют наши огромные возможности: ресурсы сырья и квалифицированной рабочей силы, высокоразвитая наука – особенно фундаментальная, поддержка и, как мы сейчас видим, готовность и желание людей работать лучше, качественнее, эффективнее.

Время властно диктует необходимость решительного улучшения дел. Из этого и родилась концепция ускорения социально-экономического развития.

Для нас сегодня – это важнейшая, самая приоритетная задача. После всестороннего обсуждения определены пути ее решения. Мы намечаем улучшить использование капитальных вложений, отдать приоритеты развитию таких важнейших отраслей, как машиностроение, электротехническая и электронная промышленность, энергетика, транспорт и другие. В центре внимания остаются и отрасли агропромышленного комплекса, особенно переработка и хранение сельскохозяйственной продукции. В общем, для более полного удовлетворения потребностей в высококачественных продуктах питания мы будем делать все необходимое.

Улучшение работы народного хозяйства потребует дальнейшего укрепления централизации по стратегическим направлениям экономики – более строгого подчинения отраслей, регионов, отдельных звеньев хозяйства интересам экономического развития. Но мы идем одновременно и по пути укрепления демократических начал в управлении, расширения самостоятельности объединений, предприятий, колхозов и совхозов, развития самоуправления на местах, поощрения инициативы и предпримчивости, конечно, в интересах общества, а не во вред ему.

Словом, мы ищем наиболее рациональные методы хозяйствования. Проводятся крупные экономические эксперименты, суть которых – создать более действенный механизм хозяйствования, способный решительно ускорить темпы научно-технического прогресса, улучшить использование всех ресурсов. Мы добиваемся, чтобы на решение этой задачи работали все рычаги материального и морального стимулирования, такие инструменты, как прибыль, ценообразование, кредит, хозрасчет. Это и составляет суть нашей работы по радикальному улучшению всей системы управления и планирования.

Вместе с тем мы включаем и другие резервы ускорения экономического развития. Я имею в виду укрепление дисциплины и порядка, повышение требовательности ко всем – от рабочего до министра, борьбу с

безответственностью и бюрократизмом, воспитание трудовой этики, укрепление социальной справедливости во всей жизни общества.

Так что экономических проблем и дел у нас хватает, впрочем, а в какой стране их нет. Мы видим свои проблемы и уверены в возможностях своего общественного строя, своей страны. В последнее время мне пришлось побывать в разных районах, встречаться со многими людьми – с рабочими и крестьянами, инженерами и учеными. И что характерно? Необходимость перелома, необходимость решительно улучшить работу не только поддерживается народом, но и становится его требованием, настоящим велением времени.

Хочу подчеркнуть: внимание, которое мы уделяем в последнее время экономике, объясняется не тем, что мы собираемся бить рекорды по производству металла, нефти, цемента, станков или иной продукции. Главное – улучшать жизнь людей. У нас нет более высокой цели. Только в этом году принято решение о повышении оплаты труда ряду категорий работников здравоохранения, науки, инженерно-технического персонала, по улучшению материального положения значительной части пенсионеров, о бесплатном предоставлении ежегодно около миллиона земельных участков для развития садов, создания того, что вы называете «вторым домом». Планируются и многие другие шаги. Их размах будет, естественно, зависеть от успехов в экономике. В последнее время здесь заметны позитивные сдвиги – возросли темпы роста производства промышленной продукции, производительности труда.

Вы спрашиваете: какие изменения в мировой экономике могли бы принести пользу Советскому Союзу? Прежде всего, хотя это скорее политика, чем экономика, прекращение гонки вооружений. Мы бы предпочли тратить каждый рубль, который сегодня идет на оборону, на гражданские, мирные потребности. Да и вам, в Соединенных Штатах, как я понимаю, есть куда тратить деньги, пожираемые сейчас производством оружия. Я уже не говорю о проблемах, порождаемых бюджетным дефицитом и государственным

долгом. Надо думать и о проблемах других стран. Наставая на прекращении гонки вооружений, мы исходим также из того, что аморально бросать сотни миллиардов на создание средств человекаистребления, когда сотни миллионов людей недоедают, лишены самого необходимого. Мы все просто не имеем права игнорировать сложившуюся ситуацию.

Что касается самой мировой экономики, то мы считаем, что на пользу Советскому Союзу, как, я думаю, и другим странам, пошли бы стабилизация общей экономической и валютно-финансовой обстановки, справедливое решение проблемы задолженности, продвижение к новому экономическому порядку. И, конечно, устранение дискриминационных ограничений, всех других препятствий для развития мировой торговли, дальнейшее углубление международного разделения труда, в котором мы и наши друзья и союзники собираемся играть более активную роль. От подобных перемен выиграли бы все народы нашей Земли. К примеру, налаживание широких торгово-экономических отношений между Советским Союзом и США помогло бы создать в вашей стране не одну сотню тысяч дополнительных рабочих мест.

Вопрос. Советский Союз стремится получить больший доступ к совершенной технологии, разработанной в Соединенных Штатах. Насколько она нужна Советскому Союзу и, главным образом, для каких целей? Если Соединенные Штаты не обеспечат большего доступа к этой технологии, кому вы намерены обратиться для ее получения?

Ответ. На размышление наводит сама форма вашего вопроса. Собственно, а кто не стремится сейчас получить доступ к совершенной технологии? Все, включая и США, даже прежде всего США. Я говорю не только о легальной покупке лицензий и наукоемких товаров или нелегальном промышленном шпионаже. США практикуют и свои специфические методы. Например, «перекачку умов» – не только из Западной Европы, но и из развивающихся стран. А возьмите деятельность транснациональных корпораций, прибирающих к рукам через свои филиалы научно-технические

достижения других стран. Теперь для той же цели пытаются использовать так называемую исследовательскую программу «звездных войн».

Что касается Советского Союза, то он достижениями зарубежной науки и техники пользуется в несравненно более скромных размерах. Хотя мы никогда не скрывали, что хотели бы расширить свое участие в международном разделении труда, развивать научно-техническое сотрудничество, тем более что идем на этот «рынок» не как просители, не с пустыми руками.

Авторы версии о якобы снедающей СССР жажде американской технологии забывают, с кем сегодня имеют дело в лице нашей страны. Она уже давно стала великой научно-технической державой, завоевав после революции технологическую самостоятельность. Это позволило нам выстоять во Второй мировой войне, первыми вырваться в космос и развернуть в широких масштабах космические исследования, обеспечить надежную оборону, в целом успешно развивать производительные силы страны. Кстати, как понять такое противоречие в американской аргументации? Когда обосновывают повышение военных ассигнований, в США только и говорят о фантастических достижениях СССР в технологии. Когда же хотят обосновать запретительные меры, нас изображают как дремучую, отсталую деревню, торговать с которой, а тем более сотрудничать – значило бы подрывать собственную «национальную безопасность». Где же здесь правда? Чему же верить?

Мы открыто говорим о нашей неудовлетворенности научно-техническим уровнем тех или других видов продукции. Но ускорения научно-технического прогресса мы рассчитываем добиться не за счет «перелива технологий» из США в СССР, а за счет «перелива» наиболее прогрессивных идей, открытий и нововведений из советской науки в советскую индустрию и сельское хозяйство, за счет более умелого использования своего собственного научно-технического потенциала. Здесь – центр тяжести наших планов и программ. Но при этом, разумеется, нам не хотелось бы отказываться от тех

дополнительных выгод, которые дает построенное на основах взаимности научно-техническое сотрудничество с другими странами, включая и США.

Оно получило в 70-х годах довольно широкое развитие – в энергетике, включая ядерную, в химии и космических исследованиях, в кардиологии и онкологии, в других областях. Выгода была обоюдная – это знают и американские ученые. Сейчас сотрудничество сошло на нет. Мы об этом сожалеем, но заверяю вас – переживем. И потому, что сами имеем первоклассную науку. И потому, что у США на научно-технические достижения отнюдь нет монополии.

Понимая это, США, кстати, оказывают растущий нажим на союзников, чтобы и те не торговали с нами наукоемкой продукцией. Больше того, некоторые виды такой продукции США запрещают под предлогом все той же «национальной безопасности» вывозить и в Западную Европу, все чаще отказывают ее представителям в допуске в свои лаборатории и на научные симпозиумы.

Этим, конечно, хотят нанести ущерб нам. Но не только. Жупел «советской угрозы» все шире используется и в конкурентной борьбе США с союзными им странами, чтобы замедлить их научно-технический прогресс и подорвать тем самым их конкурентные позиции на мировом рынке. Эти замыслы становятся все более очевидными. Но не думаю, что другие стороны смирятся с положением неравноправных партнеров, от которых технологию будут брать, а самих держать на голодном пайке. В целом же это – недальновидная и бесперспективная практика.

Но мне не хотелось заканчивать наш разговор на негативной ноте. Совершенно очевидно, что если две такие страны, как США и СССР, с их колossalным научно-техническим потенциалом, будут сотрудничать в этой сфере на равноправной основе, то от этого выиграют не только оба наших народа, но и весь мир.

Пользуясь случаем, хотел бы передать читателям вашего журнала пожелания добрых свершений, счастья и мирного будущего. От имени

советского руководства и советского народа хотел бы еще раз сказать всем американцам то самое важное, что они должны знать: из Советского Союза войны не придет, мы ее никогда не начнем.

ИЗ БЕСЕДЫ М.С. ГОРБАЧЕВА С АМЕРИКАНСКИМИ ЖУРНАЛИСТАМИ

Горбачев. Хочу высказать несколько соображений, имеющих, как мне представляется, большое значение для правильного понимания затронутых в тексте проблем.

Должен сказать, что за последнее время я получал немало просьб о выступлениях и интервью со стороны средств массовой информации в различных странах. Почему было принято решение откликнуться на просьбу именно журнала «Тайм»?

Когда я ознакомился с полученными от вас вопросами, мне показалось, что в формулировке самих этих вопросов содержится выражение определенной обеспокоенности в связи с характером складывающихся в настоящее время отношений между нашими двумя странами. Мы не часто слышим от представителей американских политических и иных кругов выражение тревоги по этому поводу. Я подумал, что такой характер полученных вопросов (если я его понимаю правильно) – это очень важный элемент.

Есть и другая причина, не менее важная. Она связана с нашей оценкой обстановки, сложившейся сегодня в мире. Обстановка эта сложная, напряженная и, я бы даже сказал, – взрывоопасная. К тому же она имеет тенденцию еще более ухудшаться. Не буду говорить здесь о причинах этого процесса. Нашу точку зрения на этот счет вы хорошо знаете. Я хотел бы скорее ответить на вопрос о том, где мы все находимся в данное время, в каком мире живем. При этом я вовсе не хочу драматизировать ситуацию. Но намерен быть с вами откровенным, ибо от ее оценки обеими сторонами многое зависит. Мы считаем, что, когда речь идет о руководителях таких держав, как США и СССР, их анализ обстановки и их практическая политика должны быть

проникнуты чувством огромной ответственности, которая лежит на них перед лицом собственных народов и всего человечества.

Реальность нашего времени состоит в том, что уровень развития науки и техники делает возможными возникновение совершенно новой ситуации, начало совершенно нового этапа гонки вооружений. Я пытался откровенно ответить на ваши вопросы и прошу не воспринимать мои ответы как очередную «пропаганду». Ведь это факт, что уже сейчас Соединенным Штатам и Советскому Союзу очень трудно договориться между собой, делать какие-то шаги навстречу друг другу. Настолько велико взаимное недоверие. А если гонка вооружений войдет в новую стадию, если будут практически применены для этих целей самые последние достижения науки и техники, то не появится ли у одной из сторон искушение использовать предполагаемое превосходство над другой стороной для того, чтобы развязать себе руки и сделать роковой шаг? Очень ответственный этап.

При всей остроте наших двусторонних отношений сегодня все же продолжают действовать некоторые ограничения – наличие военно-стратегического паритета, обеспечивающего обеим сторонам определенную долю безопасности, Договор о противоракетной обороне, практически соблюдаемый Договор ОСВ-2, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Эти ограничения есть и оказывают свое воздействие. Хотя, как известно, уже под них ведется подкоп: приведены в действие силы, которые стремятся снять эти ограничения, мешающие дальнейшему развертыванию гонки вооружений.

Если бы всех этих сдерживающих факторов не стало, то, конечно, соревнование в создании все новых и новых видов оружия развернулось бы с небывалой силой. Ведь на всякие шаги в этом плане одной стороны последовали бы контршаги другой, за появлением яда следует противоядие. Таков урок истории, который нельзя игнорировать.

К чему же мы тогда придем?

Я бы сказал так: время уходит, поезд может уйти, если не действовать достаточно быстро. Таков второй мотив моего согласия ответить на вопросы журнала «Тайм».

Все люди хотят жить, никто не хочет погибать. Поэтому надо набраться политического мужества и остановить развертывающийся грозный процесс. Надо прекратить гонку вооружений, приступить к разоружению и оздоровлению отношений.

Мне уже приходилось говорить в беседе с посетившей Москву делегацией конгресса США во главе со спикером О'Нилом, что мы – решительные сторонники оздоровления советско-американских отношений. Такова точка зрения нашего руководства. Из сложившейся обстановки мы делаем трезвые, реалистические выводы. Бесспорный факт состоит в том, что мы не только призываем к оздоровлению обстановки, к улучшению отношений, но и выступаем с совершенно конкретными предложениями, а также сами предпринимаем практические шаги в этом направлении. Естественно, что мы рассчитываем при этом на соответствующий ответ американской стороны.

К сожалению, на все попытки вырваться из порочного круга гонки вооружений и взаимной подозрительности мы слышим лишь негативный ответ: «Нет! Нет! Нет! Пропаганда! Пропаганда! Пропаганда!» Право же, серьезные политики не ведут себя так с партнерами.

Тем не менее мы считаем, что все то, что нам пришлось слышать из Вашингтона о последних шагах Советского Союза, включая наши предложения, рассчитанные на то, чтобы сдвинуть с мертвой точки переговоры о немилитаризации космоса, по стратегическому ядерному оружию и оружию средней дальности, наше решение о прекращении ядерных взрывов и т. д., не представляет собою последнего слова американской администрации. Мы надеемся на это.

Уважаемые господа, эту часть нашего разговора, когда мы беседуем здесь, глядя друг другу в глаза, я считаю наиболее важной. Мы надеемся, что

наше понимание сложившейся в мире и в советско-американских отношениях ситуации, наше понимание того, как надо действовать в этой обстановке, будет ясно и добросовестно доведено до сведения американской общественности.

Наши страны просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом – действительный интерес и советского, и американского народов. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать эти отношения между двумя великими народами достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависят судьбы мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении.

Положение приобретает особую остроту еще потому, что, судя по поступающей к нам информации, политическая атмосфера в Вашингтоне нагнетается все больше с каждым днем. Раздаются высказывания, которые не могут не вызывать удивления и возмущения.

Белый дом и иные представители американской администрации дают понять, что ни о каких договоренностях с Советским Союзом об ограничении гонки вооружений не может быть и речи. Самое большее, на что можно рассчитывать, заявляют они – это на знакомство руководителей обеих стран друг с другом и на выработку повестки дня для обсуждения на будущие годы и даже на десятилетия. В этом духе, например, было выдержано опубликованное пару дней назад интервью таких представителей администрации США, как Армакост и Тауэр. Словом, делается все, чтобы заранее отвести любую возможность договоренностей между США и СССР о прекращении гонки вооружений и недопущении милитаризации космоса. В Вашингтоне заявляют с предельной откровенностью: что бы ни предпринимал Советский Союз, США в любом случае будут создавать ударное космическое

оружие и противоспутниковые системы. Вот уж поистине «забивают гвозди», свертывают шляпки, а потом хотят, чтобы кто-то вытаскивал их зубами!

Как тут быть? Надо остановить этот процесс. Это будет отвечать интересам и Советского Союза, и Соединенных Штатов Америки.

Сколько уже было в прошлом попыток поставить Советский Союз на колени, измотать его. Все это провалилось, все такие попытки будут проваливаться и впредь.

Что касается нас, то мы не объявляем США «империей зла». Мы знаем, что такое Соединенные Штаты, что такое американский народ, какова их роль в мире. Мы – за новый, лучший этап в наших отношениях. Но если дело дойдет до качественно нового этапа гонки вооружений, о котором я говорю, решить такую задачу будет намного труднее, если вообще это будет возможно. Вот почему мы призываем США серьезно договориться с нами и по стратегическому ядерному оружию, и по оружию средней дальности, и по проблемам космоса.

Ну вот, кажется, я сказал самое главное. Хочу теперь передать вам подписанный текст моих ответов на вопросы журнала «Тайм» – чтобы вас никто не обвинил в том, что вы печатаете анонимные ответы. (*Смех.*) Обратите внимание: обложка зеленого цвета, экспортом революции даже не пахнет! (*Смех.*)

Журналист. Вы говорили здесь о некоторых людях в Вашингтоне, которые хотят подорвать отношения с Советским Союзом. Но Президент Рейган неоднократно говорил о том, что он не питает вражды к Советскому Союзу, стремится к улучшению отношений с ним и не добивается военного превосходства над вашей страной. Принимаете ли Вы эти заявления? А каково Ваше впечатление вообще о Президенте Рейгане?

Горбачев. В определенной мере я уже упоминал об этом в письменных ответах. Мы обратили внимание на ряд позитивных высказываний Президента в 1983, 1984 годах, в том числе в его речи в ООН. Мы отметили его высказывания о том, что ядерная война недопустима, что в ней победителей

не будет. Это очень важно. Обратили мы внимание и на его слова о том, что США не стремятся к достижению военного превосходства над СССР. Эти и другие позитивные моменты в высказываниях Президента дают, как нам кажется, возможность совместно заглянуть в будущее, преодолеть нынешнюю негативную полосу в наших отношениях. Мы считаем, что еще можно исправить многое, пойдя навстречу друг другу. Поэтому мы и согласились на встречу с Президентом в Женеве. Поэтому же мы так остро реагируем на то, что говорится сегодня в связи с этой встречей в Вашингтоне. Как выразилась одна американская журналистка, американскую общественность хотят довести до такого состояния, что даже если в Женеве договорятся только об обмене балетными труппами, то люди будут аплодировать.

Мы настроены серьезно и готовим серьезные предложения к этой встрече, – что бы ни говорили в окружении Президента Рейгана правые и иные деятели. Если бы мы не верили в возможность позитивного исхода встречи, мы бы не пошли на нее. Такова наша позиция.

Вы спросили также о моем мнении лично о Президенте. Я не встречался с ним, мне трудно высказать какое-то мнение о нем в человеческом плане. Но в политическом плане мы исходим из того, что Президент избран американским народом, к которому наш народ относится с уважением, и мы готовы иметь с ним дело.

Журналист. Позвольте задать один вопрос, касающийся космических вооружений. И в своих письменных ответах на наши вопросы, и в беседе с нами Вы сказали, что Советский Союз выступает за достижение соглашений в трех областях – стратегических наступательных вооружений, ядерного оружия средней дальности и космического оружия. Однако, судя по комментариям, поступающим из Москвы, складывается впечатление, что вы не оставляете никакого простора для переговоров по проблеме космических вооружений, поскольку настаиваете на полном прекращении всякой деятельности, относящейся к этому виду оружия, начиная с исследований. Вот я и хочу спросить – готов ли Советский Союз вести переговоры по

вопросу о космическом оружии? Вы ведь сами, как известно, проводили и проводите обширные исследования в этой области и поэтому, очевидно, понимаете, что полностью прекратить эту деятельность на основе переговоров нельзя. Можно лишь договариваться о каких-то согласованных уровнях или пределах.

Горбачев. Очень принципиальный вопрос. Не будет запрета на милитаризацию космического пространства, не будет предотвращения гонки вооружения в космосе – так и вообще ничего не будет. Это наша твердая позиция. И базируется она на нашей предельно ответственной оценке, учитывающей как наши интересы, так и интересы США. Мы готовы вести переговоры, но не о космическом оружии, не о том, какие именно виды этого оружия можно будет размещать в космосе, а о недопущении гонки вооружений в космосе.

В Женеве Советский Союз предложил договориться о запрещении создания, включая научно-исследовательские работы, испытаний и развертывания ударных космических вооружений. Необходимо, чтобы запрет охватывал все этапы зарождения этого нового класса вооружений. Ведь исследования – это часть программы создания космического оружия. И когда мы видим, что на эти исследования в США выделяются десятки миллиардов долларов, то нам совершенно ясно, в чем истинный замысел авторов этих программ, к чему ведет и вытекающая из этих программ политика в отношении размещения оружия в космосе.

Когда речь идет о научно-исследовательской деятельности и необходимости ее запрещения, мы, конечно, имеем в виду не фундаментальные науки. Эти исследования идут и, очевидно, будут идти. В США речь идет о разработках, которые ведутся по заданиям и контрактам военного ведомства, причем на том их этапе, когда обязательно должны появиться макеты, опытные образцы, когда должны осуществляться внелабораторные полевые отработки и испытания. Одним словом, когда осуществляется все то, что необходимо для последующей стадии

конструирования и производства соответствующих систем. Когда США спрашивают нас, можно ли проконтролировать соответствующий запрет, мы отвечаю – да, можно. На том этапе, о котором я только что говорил, контроль с помощью национальных технических средств возможен. Если из космоса мы сейчас можем различить номера на автомашинах, то уж проследить за внелабораторными полевыми испытаниями мы, безусловно, сможем. Главное тут в том, что, если уже на начальной стадии так называемых исследований прекратить этот процесс, то исчезнет всякий интерес к последующим стадиям разработки космического оружия. Кто же тогда будет выделять впустую средства?

Но, с другой стороны, если на исследовательские работы будут затрачены десятки миллиардов долларов, то, конечно, никто не захочет останавливаться на полпути. А уж когда оружие будет выведено в космос, процесс станет вообще неконтролируемым, и мы окажемся, как я уже говорил, на таком этапе, последствия которого и предсказать-то невозможно.

При этом можете быть уверены, что другая сторона дремать не будет.

Рассуждения о чисто исследовательском характере СОИ в основе своей предназначены для того, чтобы скрыть обширный процесс создания космических систем оружия.

То, что сейчас США планируют испытать уже второе поколение противоспутниковых систем, чревато серьезными последствиями. Мы будем вынуждены реагировать на это адекватным образом. Ведь, по сути дела, речь идет об испытании некоторых элементов ПРО космического базирования. Да к тому же приходится учитывать негативное отношение Вашингтона к нашему предложению о присоединении США к объявленному нами мораториум на ядерные взрывы.

Правительство США отказывается от прекращения испытаний и потому, что они ему нужны для разработки ядерной накачки для лазерных систем ПРО. Но ведь это элементы будущей системы ПРО космического

базирования. А что будет, если программа будет развернута в полном объеме? Пусть Америка серьезно подумает о последствиях этого.

Видимо, кто-то в США подумал, что появилась возможность обогнать нас, прижать Советский Союз. Но это – иллюзия. Не удавалось это в прошлом, не удастся и теперь. Ответ, и притом вполне адекватный, мы найдем. Но тогда будут похоронены все переговоры, и не знаю, когда на них можно будет вернуться. Может быть, такая перспектива и устраивает военно-промышленный комплекс США, но мы, во всяком случае, на него работать не собираемся.

Наши предложения отвечают интересам и советского народа, и народа США. И это как раз больше всего раздражает представителей военно-промышленного комплекса. А ведь их много в США, хватает их и в правительстве, что мы, конечно, чувствуем. Но должен сказать, что у нас запас конструктивности огромный. Мы будем и дальше призывать правительство США избрать иной подход. Тогда открылись бы большие возможности и в области сокращения стратегических ядерных вооружений, и средств средней дальности, был бы открыт путь для серьезного процесса улучшения отношений между нашими странами, решения других международных проблем.

Вспоминаю, что, когда я недавно был в Днепропетровске, один рабочий спросил: что это за планы «звездных войн», с которыми выступает Президент Рейган? Не обманут ли нас США? Я ответил: не беспокойтесь, мы не дадим себя обмануть. Но если наши партнеры по переговорам проявят готовность искать взаимоприемлемые решения, то и мы приложим к этому все наши усилия.

Думаю, что наша позиция гуманна и неэгоистична: она полностью отвечает интересам Советского Союза и США, да и всех других народов.

Неужели вам, американцам, деньги некуда девать? Мы знаем, что у вас есть свои проблемы, требующие решения. Может быть, мы знаем их хуже, чем свои собственные, но все-таки знаем.

Журналист. В Ваших словах я почувствовал озабоченность некоторыми событиями, связанными с заявлениями и действиями США на протяжении последних недель. Я имею в виду, в частности, объявление о предстоящем испытании противоспутниковой системы, а также весьма странную историю с химическим веществом, которым якобы посыпали американцев в Москве. Видимо, эти два события не могут считаться полезными с точки зрения интенсивной подготовки к предстоящей советско-американской встрече на высшем уровне. Удивили ли Вас эти два события и нанесли ли они серьезный ущерб подготовке к встрече в верхах?

Горбачев. Что касается подготовки к встрече на высшем уровне в Женеве, то я могу заверить вас, что мы серьезно готовимся к ней, придаляем этой встрече огромное значение и возлагаем на нее серьезные надежды. Приходится, правда, слышать заявления наших партнеров, свидетельствующие о том, что в Вашингтоне встреча придают более скромное значение, характеризуют ее как всего лишь ознакомительную, рассчитанную лишь на то, чтобы разработать повестку дня для каких-то будущих отдаленных переговоров. Но ведь это слишком большая роскошь, чтобы руководители двух таких государств, как Советский Союз и США, ехали в Женеву только для того, чтобы познакомиться друг с другом, а потом любоваться Женевским озером, Швейцарскими Альпами. Когда международная обстановка столь сильно накалена, это было бы непозволительной роскошью.

Одним словом, мы серьезно готовимся к встрече и будем делать все, чтобы она принесла ощутимые результаты в плане оздоровления отношений между Советским Союзом и США.

Журналист. На этой неделе в одном журнале появилась статья бывшего Президента США Р. Никсона. Он, в частности, пишет, что достижение соглашений об ограничении или сокращении вооружений без одновременной договоренности о взаимнойдержанности государств в своем политическом поведении не приведет к упрочению мира. Одним словом, Никсон, видимо, считает, что на первом месте стоят не проблемы контроля

над вооружениями, а потенциальные очаги напряженности в отношениях между Советским Союзом и США. Как Вы к этому относитесь?

Горбачев. Мне было интересно ознакомиться с ваших слов с точкой зрения господина Р. Никсона. Что касается конкретных вопросов, которые мы будем обсуждать в Женеве с Президентом Рейганом, то мы над этим работаем в контакте с государственным департаментом США и Белым домом. Этот процесс продолжается, и я не хотел бы на данном этапе входить в детали.

Но с именем Никсона у меня возникает ассоциация другого порядка. В свое время, несмотря на сложную обстановку, мы сумели найти возможности и пути к налаживанию сотрудничества с правительством США во главе с Р. Никсоном. И тогда были приняты очень важные решения.

Вспомните 60-е годы. Тогда международная обстановка тоже была непростой. Но ведь был же заключен в 1963 году очень важный Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, действующий и поныне.

Это относится к области истории, но история тогда хороша, когда из нее извлекают уроки. Вот и теперь надо взглянуть на ситуацию с ответственных государственных позиций, найти подходы к оздоровлению обстановки, к управлению советско-американских отношений.

Журналист. *Позвольте задать вопрос чисто личного порядка. Вы явились инициатором нового стиля руководства в Советском Союзе. Вы часто бываете на людях, встречаетесь с ними, одним словом, Вы держитесь на виду. Вам нравится такой стиль работы, и какую пользу он приносит?*

Горбачев. Во-первых, такому стилю нас учил В.И. Ленин. Он постоянно говорил о необходимости жить в гуще масс, прислушиваться к ним, улавливать их настроения и отражать их чаяния в практической политике. Так что приоритет здесь принадлежит В.И. Ленину, а такие люди раз в столетие появляются.

А во-вторых, для меня это не новая практика. Я так же вел себя и когда работал в Ставрополье, и здесь, в Москве, прежде чем был избран на свой

нынешний пост. Да и многие у нас так работают. Может быть, теперь пресса придает больше гласности, шире освещает мои поездки и встречи с людьми.

В целом же у нас есть потребность именно в таком стиле работы. Перед нами стоят проблемы и довольно крупные. Их надо решать, и решать по-новому. В течение последних лет мы проводили анализ нынешнего этапа нашего развития, и есть необходимость познакомить трудящихся с выводами, к которым мы пришли, проверить эти выводы на людях, а затем вынести их на предстоящий съезд нашей партии.

Так что вопрос не в том, нравится мне такой стиль или нет, а, скорее, в том, что иначе сейчас работать нельзя, если мы хотим добиться практических результатов в разработанной нами политике.

Журналист. Еще один личный вопрос. Вы – инициатор весьма глубоких изменений в советском обществе. В ходе этого процесса произошла смена многих ответственных лиц. И, видимо, это будет продолжаться. Скажите, люди Вас боятся?

Горбачев. Думаю, что нет. То, что делается сейчас в нашей стране, задумано не мною одним. Это отражает общее мнение всего нашего руководства. Мы убеждены, что поступаем правильно. Проблемы эти назрели, и их надо решать. Самый главный вывод, к которому приходишь в результате общения с людьми – это то, что наши предложения и практические шаги пользуются горячей поддержкой. Более того, и в партии, и среди населения проявляется желание действовать еще более быстрыми темпами. Мы считаем, что надо проявлять смелость, решительность, но в то же время и осмотрительность. Мы и дальше будем действовать в духе высокой ответственности перед нашим народом. А люди от нас требуют проведения твердой политики, чтобы не было разрыва между словом и делом. Так что нас в этом смысле строго контролируют. А то, что мы сейчас действуем в обстановке большей гласности, еще больше раскрывает нашу демократию. Так что речь не идет о том, чтобы люди боялись. Наоборот, наш подход они приветствуют.

Не хочу, однако, чтобы вы подумали, будто я пытаюсь все представить в розовом цвете. В стране идет глубокий процесс, требующий большой перестройки от всех нас. Естественно, это затрагивает людей, кадры, затрагивает методы работы всех. А то, что происходит смена некоторых кадров, то это не значит, что у нас какая-то чрезвычайная ситуация. Это естественный процесс. Плохо лишь тогда, когда этот процесс останавливается.

Так что дело тут не в том, что те или иные кадровые перестановки отражают какую-либо политическую борьбу вокруг тех вопросов, которые мы сейчас решаем. Мы считаем, что перестраиваться надо всем и везде – и нам, и в республиках, и в областях, и в каждом трудовом коллективе. Конечно, это потребует от партии больших усилий. Но поскольку взятая нами линия отражает назревшие потребности, она пользуется решительной поддержкой нашего народа. Это дает нам уверенность, что действуем мы верно.

В заключение хочу высказать одну мысль, которую можно считать главной для всей нашей беседы. Справедливо было сказано, что внешняя политика есть продолжение внутренней политики. Коли это так, то прошу вас подумать вот над чем: раз мы выстраиваем для себя столь грандиозные планы внутреннего порядка, то в каких внешних условиях мы должны быть заинтересованы? Ответ оставляю за вами.

(Г. Грюнвальд тепло поблагодарил М.С. Горбачева за прием и состоявшуюся беседу.)